

УИЛЬЯМ ДИН ХОУЭЛС

Из редакторской рубрики в журнале «Харперс»

Реалист в лучшем смысле этого слова, Гоголь разработал приемы и формы художественного мышления современного искусства и предугадал их применение в будущем. Он открыл реализм в России в той мере, в какой это касается достоверного изображения человека. <...>

Русские, которые последовали за Гоголем и учились у него, как ныне весь мир должен учиться у них, не нуждались в ребяческих претензиях на вымысел. После русских писателей, составляющих литературную группу, трудно читать книги писателей других стран, не испытывая при этом чувства, будто вступаешь в атмосферу фальши, неискренности и низменных идей.

Кто станет отрицать, что литература стала бы несравненно глубже и правдивее, ежели бы она могла сбросить поработившую ее привычку изображать лишь одну сторону страсти и свободно обратилась бы к описанию всех страстей и всего происходящего вокруг этого?.. Серьезная критика признала шедеврами два великих романа, которые помимо всего прочего потрясли мир изображением преступной любви. Если бы случилось невероятное и какой-нибудь американский писатель смог изобразить то же на уровне «Анны Карениной» и «Мадам Бовари», ему был бы уготован успех, слава и благодарность столь же высокие, как те, что выпали на долю авторов этих книг. Но вопрос состоит в том, какой издатель американского журнала рискнул бы опубликовать подобное произведение?

<Предисловие к «Севастопольским рассказам»>

Когда я читаю в замечательном очерке г. Эрнеста Дюпюи*, что «граф Лев Николаевич Толстой родился 28 августа в Ясной Поля-

---

* Английский перевод книги Э. Дюпюи (Ernest Dupuy. Grands Maitres de la Littérature Russe du dix-neuvième siècle (Великие мастера русской литературы XIX в. Paris, 1886)

не, деревне неподалеку от Тулы», у меня появляется ощущение, будто нас разделяет с ним космическое пространство, будто эти географические названия относятся к каким-то точкам Луны, которых даже в справочниках не отыщешь. И тем не менее этот русский аристократ, живущий где-то за тридевять земель, — самое близкое мне на свете существо. Не потому вовсе, что я с ним лично знаком. Причина в том, что он помог мне познать самого себя; в том, что никто из известных мне писателей не рассказывал так правдиво о человеческой жизни в ее всеобщем значении и в то же время в ее наиболее интимных и индивидуальных значениях. Это качество в известной мере вообще присуще русским писателям. Но Толстой обладает им в наибольшей степени. Поэтому чтение «Войны и мира», «Анны Карениной», «В чем моя вера?», «Детства», «Отрочества» и «Юности», «Севастопольских рассказов», «Казачков», «Смерти Ивана Ильича», «Кати»^{*} и «Поликушки» составляет целую эпоху в жизни каждого мыслящего читателя. На мой взгляд, в этих книгах, впервые в художественной литературе, вы отчетливо видите живых людей. Во всех иных литературных произведениях временами проглядывает замысел, и только книги Толстого всегда воспринимаются им как сама правда жизни. <...>

Немного известно относительно уединенной жизни, которую ведет ныне этот истинно великий человек. Но, по свидетельству одного американского путешественника, пробывшего недавно у него один день^{**}, Толстой остался непреклонен в своем убеждении, приведшем его к отречению от общества, — убеждению в том, что Христос пришел в этот мир, чтобы научить людей жить в нем, и, запрещая роскошь, войны, сутяжничество, прелюбоденствие и лицемерие, он имел в виду буквальный смысл своих слов. Последняя книга Толстого «Так что же нам делать?» — это беспощадное и вдумчивое изложение обстоятельств и причин, которые привели его к этому убеждению. И весьма печально характеризует современных христиан то обстоятельство, что подобное восприятие учения Христа в его прямом смысле кажется им чем-то эксцентричным и даже безумным. Но именно эта «высшая цель» и пронизывает все произведения Толстого — от первого до последнего. Она поднимает его над всеми другими мастерами

* Под этим названием в Нью-Йорке (1887) вышел роман Толстого «Семейное счастье», переведенный с французского издания (так же озаглавленного). Под названием «Катя» этот роман был издан также в Германии, Италии, Швеции и других странах.

** Имеется в виду Дж. Кеннан. См. заметку «Американец в гостях у Л. Н. Толстого» // «Неделя». 1887. № 28.

художественной прозы этих эпох и народов. Совершенно неважно, с какого из произведений Толстого вы начинаете знакомство с ним, в первое же мгновение — вы ощущаете его мощь и понимаете, что мощь эта — в его беспощадной совести; что он отнюдь не собирается ошеломить или озадачить своим мастерством; что его намерение — заставить вас глубоко продумать и пережить те насущные жизненные вопросы, к которым прежде «искусство» относилось с жестоким безразличием или даже недоброжелательством.

Не знаю, как другие, но лично я не могу думать о сочинениях Толстого как о произведениях художественной литературы в обычном значении этого понятия. Когда я восторгаюсь его книгами, некоторые выражают неудовольствие, говоря, что они непомерно длинны, многословны, беспорядочны, что имена героев слишком трудны для произношения и что изображенная в них жизнь чрезмерно печальна и не содержит ничего забавного. В ответ на такую критику я могу лишь сказать, что нахожу ее совершенно безосновательной, что каждая история, рассказанная Толстым, предельно ясна, логична и кратка. Что касается имен, то они не могут не быть русскими. Когда же меня начинают уверять, что его произведения «пессимистичны», я по-настоящему прихожу в отчаяние. Я всегда считал пессимизм выражением той точки зрения, согласно которой в мире существует зло. Книги же Толстого, напротив, настойчиво убеждают меня в том, что добро побеждает и будет всегда побеждать всюду, где человек, забыв о своекорыстии, смиренно и просто стремится к тому, чтобы быть добрым. Мы настолько одурманены иллюзиями и тщеславием, что уже привыкли думать, будто торжество добра придет само собой и выльется в яркие, эффектные формы. Толстой же заставляет нас убедиться в том, что так не бывает никогда. Он учит тех, кто хочет и умеет слышать, что Добро, Справедливость — это совокупность скромных усилий каждого отдельного человека, направленных к добру и справедливости, и что ради их успеха необходимо постоянное, ежедневное, ежечасное самоотречение и самоуничтожение, полное смирение гордыни во имя долга. Все это, конечно, малопривлекательно. Героический идеал праведности гораздо более живописен и заманчив. Но разве истина не на стороне Толстого? Поразмыслите и проверьте! Я не в состоянии припомнить ни одного случая, когда художественная литература оказала бы человечеству услугу, равную той, которую оказал ему Толстой, изобразивший Каренина в тот драматический момент, когда этот жестоко оскорбленный человек видит,

что не может совместить добро с чувством собственного достоинства. Перед этой сценой бледнеют любые ухищрения фантазии, любые эффектные приемы искусства. И действительно, своим творчеством, так же, как и примером своей жизни, Толстой возвращает нас к идеалу Христа. «Будьте как дети», — говорит он каждым своим произведением. И его творчество, столь совершенное, на мой взгляд, в смысле эстетическом, еще более совершенное в смысле этическом. Толстой не навязывает вам свои уроки, как не навязывает вам их сама жизнь. Он не расставит ни одной сюжетной ловушки, рассчитанной на то, чтобы поразить читателя; не станет направлять луч прожектора на те или иные кульминационные моменты; не будет выставлять вам напоказ пороки или добродетель. Но если есть у вас уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, то слушайте и смотрите, и вам передастся ощущение бесконечной, огромной значимости всего, что происходит на страницах его произведений.

Мое знакомство с творчеством Толстого началось с «Казаков», этого вдохновенного описания природы и смутных не вполне осознанных порывов юноши, стремящегося достичь гармонии с божественным идеалом истины и добра. Потом я прочел «Анну Каренину» — исполненную трагизма историю утрат и страданий, перед которыми меркнут и блеск и красота, и остается нетленным только Добро. Вслед за тем я перешел к «Войне и миру», этому великому произведению, утверждающему силу и стойкость простых людей при всех потрясениях и несостоятельность так называемых героев. Мне довелось прочесть несколько «Севастопольских рассказов», которые также пронизаны этой мыслью. Трилогия «Детство», «Отрочество» и «Юность» была первым произведением литературы, познакомившим меня с подлинной сутью юного человеческого существа. А «Смерть Ивана Ильича» выразила ужас, страдания, которые являются уделом простого смертного, и конечное блаженство, ожидающее его, и с невиданной дотоле силой показала, что человек это частичка мироздания. «Поликушка» — беглая зарисовка, фрагментарный, почти незавершенный рассказ, обладает совершенством, силой и неисчерпаемым запасом милосердия и сочувствия к человеку.

Я сознаю, что говорю обо всех этих книгах в несколько неумеренном тоне. Но я обязан им столь многим, что не могу и не хочу предъявлять какие-либо претензии к их автору. Не намерен я делать это и ради того, чтобы угодить читателю. Каждый раз, как только я предпринимал подобные попытки, эстетическая сторона